

Евгения Путилова

ЗОЛОТЫХ СТУПЕНЕК РЯД

Книга
о детстве
и книги детства

ДОМ
ДЕТСКОЙ
КНИГИ

Евгения Путилова
Золотых ступенек ряд

ИД "Детское время"

2015

ББК 83.8

Путилова Е. О.

Золотых ступенек ряд / Е. О. Путилова — ИД "Детское время",
2015

ISBN 978-5-9905807-6-3

В своей книге Евгения Оскаровна Путилова, советский и российский литературовед и литературный критик, историк русской детской литературы, один из крупнейших в мире специалистов по детской литературе, пишет и о тех книгах, которые любимы нами с детства, и о тех, о которых забыли ещё до нашего рождения. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

ББК 83.8

ISBN 978-5-9905807-6-3

© Путилова Е. О., 2015
© ИД "Детское время", 2015

Содержание

Мой мир – детская литература	7
Часть 1	12
От первого поэтического букваря – до Николая Карамзина	13
«Гордые мои мечты об этой “Азбуке”...»	32
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Евгения Оскаровна Путилова

Золотых ступенек ряд. Книга

о детстве и книги детства

© Е.О. Путилова, текст, 2015

© Д.М. Плаксин, оформление, 2015

© Фонд «Дом детской книги», 2015

Тане и Полине

Мой мир – детская литература

В студенческие годы, на филологическом факультете Ленинградского государственного университета, я и не думала заниматься детской литературой, да и вообще её не знала. Первые книги, которые старший брат принёс в дом, были «Повести Белкина», однотомник Лермонтова и «Рождественские рассказы» Диккенса. С этих книг началось моё чтение. Дипломную работу я писала на очень серьёзную тему (сейчас на такую работу ни за что не отважилась бы): «Творческая история романа Ф. М. Достоевского “Идиот”». Оппонентом у меня был известный исследователь русской литературы (особенно её поэзии) конца XIX – начала XX века Д. Е. Максимов – он пригласил меня к себе в аспирантуру. Но его аспиранткой я стала только через несколько лет.

За эти годы – между окончанием Университета и аспирантурой, мои литературные интересы изменились. Зарабатывая лекциями от Городского лекционного бюро, в основном посвящёнными юбилеям знаменитых писателей, неожиданно, всё чаще, я стала получать приглашения от школ, детских библиотек, пионерских лагерей с требованием рассказать о творчестве самых разных детских писателей. Вот когда мне пришлось не только сесть за чтение современных (и не только современных) детских книг, но и углубиться в совершенно новый для меня материал. И чем больше я читала (а ещё и думала над прочитанным!), тем больше увлекалась этим занятием, очарованная огромным миром, который открывался передо мной. Я поняла, что именно здесь обрела своё настоящее призвание.

Никогда не забуду тот день, когда надо было выбрать тему для кандидатской диссертации. Мой руководитель назвал множество имён, среди которых были такие как А. Фет, Ф. Тютчев, А. Блок, В. Брюсов, А. Белый и ещё, ещё... Не поднимая головы, я молча слушала, даже не откликаясь на интереснейшие комментарии профессора. «Вам что, ни одно имя не подходит, – слегка раздражаясь, спросил он. – У вас есть своё предложение?» Я в ужасе зажмурилась. Зная

вспыльчивый характер прекрасного Дмитрия Евгеньевича, я всё не решалась ответить, пока, наконец, почти шёпотом не выговорила: «Да, у меня есть тема: я хочу заниматься творчеством Аркадия Гайдара». Реакция моего руководителя превзошла все мои опасения. Однако и моя диссертация, и моя первая книга имели название «О творчестве А. П. Гайдара».

Постепенно я входила не только в книжный мир детской литературы, но и в живые контакты с современными детскими писателями, регулярно приходила на обсуждения, конференции в Доме детской книги (при издательстве «Детская литература»), становилась автором статей в ежегодниках («О литературе для детей»), а потом и активным участником в работе детской секции Союза писателей.

В те, 1950–1960 годы, в литературу для детей хлынул целый поток молодых писателей: они принесли в литературу новые идеи, темы, сюжеты. Их книги и даже рукописи обсуждали горячо, весело, шумно, не всегда принимая новое. Бесспорным кумиром для всех был Радий Погодин: покоряла художественная сила его книг, страстное, требовательное отношение к своим героям.

Следующим, после Гайдара, стало моё увлечение творчеством Л. Пантелеева, продолжавшееся долгие годы. К дому Алексея Ивановича добираться было легко – 20 минут на трамвае, а вот общаться с ним – ох, как трудно! Я благодарна ему за его рассказы, воспоминания. Иногда он просто дарил мне напечатанный на машинке небольшой текст. Без этих драгоценных встреч не было бы многих важных страниц и подробностей в моих книгах «Л. Пантелеев. Очерк жизни и творчества» (1969) и «Началось в республике Шкид» (1986), в статьях, примечаниях, радио- и телевизионных передачах. Именно в работе над этими книгами я впервые ощутила интерес к разысканиям, желание докопаться до истоков, до всех поворотов в жизни, судьбе человека.

Лучшей своей книгой я считаю сборник «Оркестр», оформленный выдающимся художником Ильёй Кабаковым (1983), куда вошли, обращённые к детям, стихи «взрослых» поэтов,

начиная с А. Блока и кончая Д. Самойловым. На издание «Оркестра» Госкомиздат отозвался постановлением с резолюцией:

«Считать книгу ошибкой издательства», с последствиями и для дошкольной редакции, и для меня как составителя. Помню и «Фальшивое звучание оркестра» – статью в журнале «Наш Современник», подписанную таинственным псевдонимом «Вепа». Но был у книги настоящий успех, он свидетельствовал об огромном интересе людей к поэзии.

С этой поры и началось моё увлекательное путешествие «во времени», принесшее мне радость возвращения к жизни забытых текстов, имён, событий, литературных портретов, загадочных биографий, атрибуций широко известных в народе стихотворений... Так появились сначала однотомник «Русская поэзия детям» (1989), затем, с тем же названием, двухтомник (1997) и, наконец, завершающий работу трёхтомник «Четыре века русской поэзии детям» (2013).

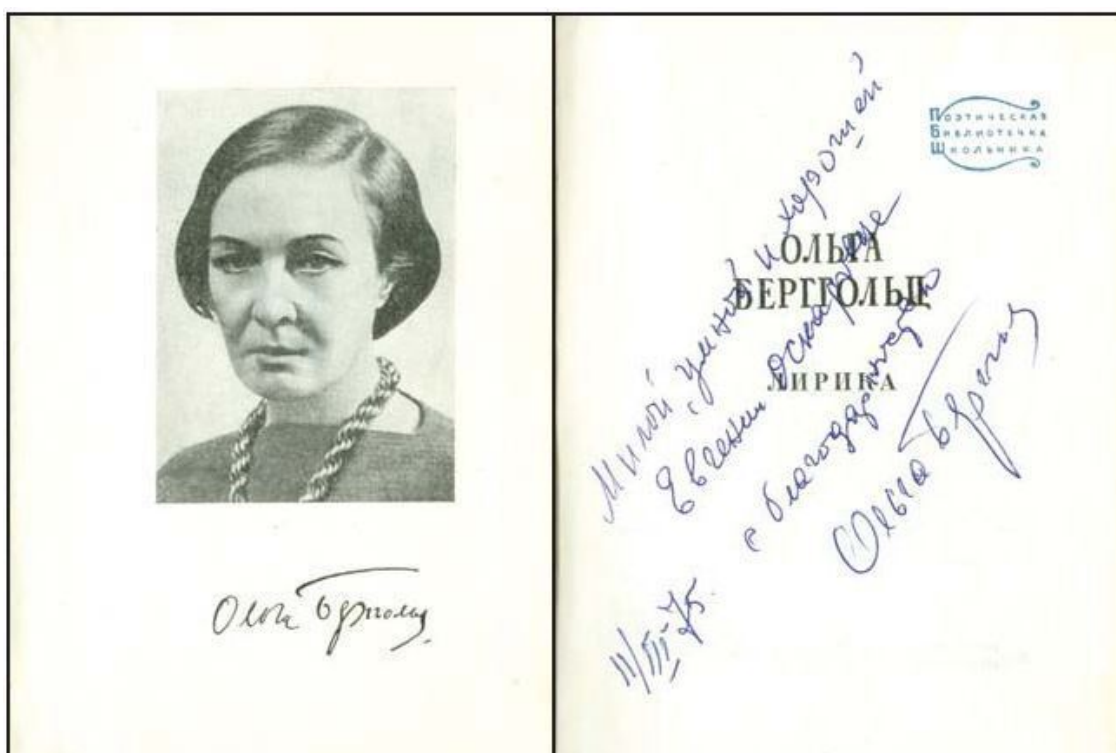
Когда случается плохое настроение или ничего не ладится, я прибегаю к воспоминаниям. Из множества дорогих мне дарственных надписей я выбираю две. Одна от О. Ф. Берггольц. Надписывая мне буквально накануне вышедшую книжку «Ольга Берггольц. Лирика», она прикрыла ладонью какое-то слово и лукаво посмотрела на меня. Я взглянула на это слово, и мы обе расхохотались. А надпись такая:

Милой, умной и хорошей

Евгении Оскаровне
с благодарностью
11. III.75.
Ольга Берггольц

Моё выступление на открытии мемориальной доски К. Чуковскому. Слева Л. Пантелеев, сзади меня Вольт Сулов. Манежная, 6.

Согласитесь, что словечко «умной» вряд ли встречается в надписях подобного жанра. Но появилось оно у Ольги Фёдоровны не случайно. Когда я принесла ей состав её будущей книжки стихов для серии «Поэтическая библиотека школьника», издаваемой «Детской литературой», она внимательно ознакомилась с содержанием, подняла на меня глаза и спросила: «Ты что, – дура?» Я растерялась: и признаваться в этом как-то не хотелось, и опровергать тоже было неудобно. «Вот это стихотворение, – она указала пальцем, – не взяли в одностомник. Вот это, – палец её двинулся, – взяли, но без того. Вот эти два возьмут – без этих трёх. – А ты, «умница», все вот эти, самые кровные мои стихи (угадала же!) поместила в одной небольшой книжке. Не выйдет.

Готовь замену!». Имя О. Берггольц тогда было в опале, но так получилось, что по счастливой случайности книжка прошла мимо цензуры и всё осталось нетронутым. Ольга Фёдоровна не только с особенной любовью называла её «мой малыш», но, значит, и не забыла того самого обращения ко мне. Она уже не успела выкупить заказанные экземпляры, это сделала я, отдавая их тем, кто пришёл на её более чем скромные похороны.

И вторая надпись от Радия Погодина, на его двухтомнике:

Дорогая Женья, от всего сердца дарю тебе эти книжки.
Будь всегда здорова и всегда красива.
18 мая 83 г. Р. Погодин

Стоит только вспомнить эти надписи, и на душе становится как-то легче, теплее, и снова открывают тебя надежды.

Часть 1 Для сердца и разума

От первого поэтического букваря – до Николая Карамзина

Трудно сейчас даже представить себе, как жили дети в давние времена. Учились ли они чему-нибудь? Была у них школа, а если была – то какая? Какими были их учителя? Были ли у них книги, а если были, то какие? Остались ли их имена в истории, в памяти людей, в произведениях литературы? Для того, чтобы получить ответы на эти вопросы, надо сделать маленький экскурс в историю древнерусской литературы, потому что именно там берёт начало традиция духовных и нравственных исканий, свойственная нашей литературе нового времени¹. Просветительский и назидательный характер многих жанров древнерусской литературы делает этот период особенно важным и для дальнейшего развития литературы для детей.

Первым хочется назвать «Поучение» Владимира Мономаха. Внук Ярослава Мудрого, черниговский и смоленский князь Владимир Мономах (1053–1125) большую часть жизни провёл в походах и стяжал себе славу мудрого, щедрого и справедливого правителя. Но, может быть, самым замечательным подвигом Мономаха явилось создание «Поучения», обращённого к его детям «или к иным, кто прочтёт». Да, не только его дети, но множество «иных» стали читателями и почитателями этого прекрасного литературного памятника. Советы «Поучения» пронизаны высоким гуманизмом: автор учит защищать слабого, помогать сиротам, убогим и вдовам, неустанно трудиться. Автор делится своим реальным жизненным опытом – отца, государственного деятеля, страстного охотника, человека, глубоко воспринимающего красоту окружающего мира. «Поучением» Владимир Мономах заложил основы нравственного направления в детской литературе, и сегодня справедливо и актуально каждое его слово.

¹ Лихачёв Д. С. Человек в литературе Древней Руси. М., 1970. С. 7.

Особый период в литературе Древней Руси представляет собой XVII век: это, по сути дела, мост между древнерусской литературой и литературой Нового времени. Огромный след в истории русской литературы оставило «Житие протопопа Аввакума». Написанное им самим, оно знакомит читателя с редким по духовной мощи человеком, страдающим, многотерпеливым, обладающим устойчивой до фанатизма верой в правоту своих взглядов на богослужение и церковные книги. Аввакум был талантливым писателем, его «Житие» любили читать Л. Н. Толстой, И. С. Тургенев, Ф. М. Достоевский.

Как учили детей в далёком XV веке? При монастырях образовывались небольшие церковно-приходские школы, программа обучения в которых была самой простой, и всё же она с трудом постигалась детьми.

Первый печатный «Букварь» принадлежал мастеру книжного азбучного печатного дела Василию Бурцеву (даты его жизни неизвестны), в подзаголовке книги стояло: «Начальное учение человеком, хотящим разумети Божественного Писания». По указанию патриарха Филарета, Бурцев создал для печатания особый шрифт и азбуку. Он напечатал семнадцать книг, среди которых были Часослов и Псалтырь. Букварь содержал буквы и склады, числа, знаки препинания, образцы склонений и спряжений. Затем следовала азбука толковая, нравоучительные изречения, заповеди, притчи, наставления. Главной книгой, которой должен был овладеть ученик, был Псалтырь. Сейчас очень трудно разобраться в том, как выглядел Псалтырь, который предлагался для обучения отроков, едва владевших буквами и складами. Являясь частью Ветхого Завета, Псалтырь состоит из псалмов Давида – гимнов, обращенных к Богу, которые поются во время богослужения (в переводах Ветхого Завета их текст выглядит как прозаический). Псалтырь как учебная книга содержал также молитвы и некоторые истории из Ветхого Завета. Тексты поражают своей красотой: «Ты дал мне щит спасения Твоего, и десница Твоя поддерживает меня, и милость Твоя возвеличивает меня» (17:36); «Ты расширяешь шаг мой подо мною, и не колеблются ноги мои...» (17:37). В XVIII и XIX веках делались поэтические переложения псалмов М. В. Ломоносовым, Г. Р. Державиным, Н. М. Языковым и многими современными поэтами.

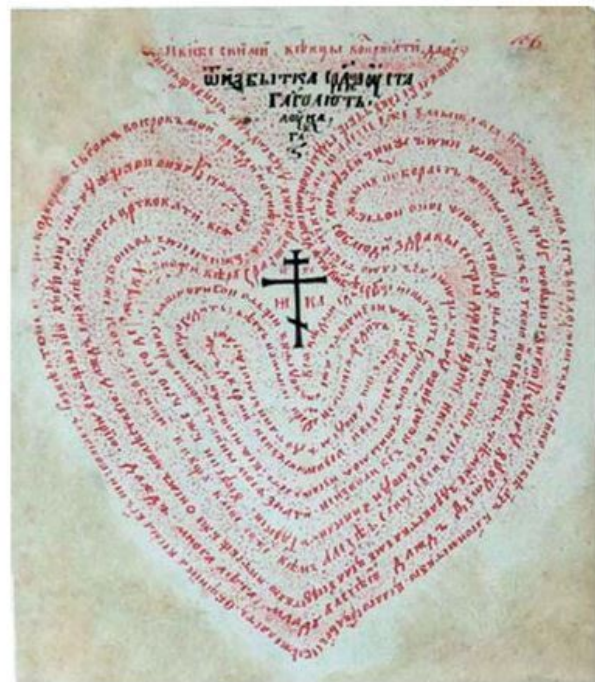
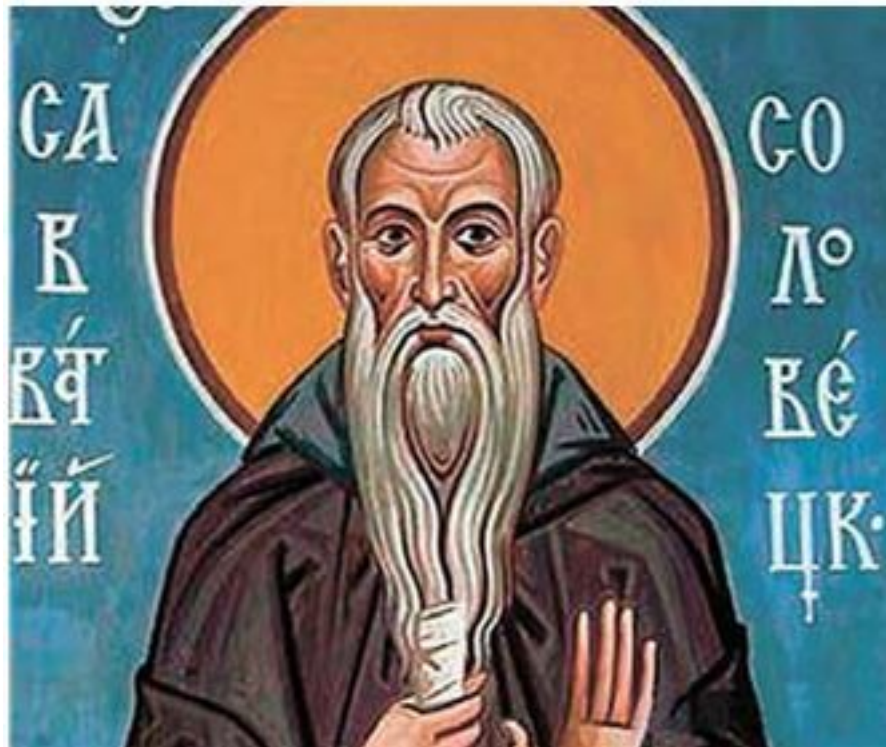
Посмотрим начало «Букваря» Бурцева:

Сия зримая малая книжица,
По реченному алфавитица,
Напечатана бысть по царскому велению Вам,
младым детям, к научению.

Автор «Букваря» предлагает детям уразуметь всю пользу учения:

И тако достигнешь мудрых совета
И будешь истинный сын света.
...Аще научишь себя во младости,
То будет ти покой и честь во старости.
...И тем творца своего и Бога воспрославивши
И душу свою честну перед ним предпоставивши.

Есть предположение, что начальные строки «Букваря» Бурцева принадлежали другому, тоже известному автору книг для детей, Савватию (даты жизни неизвестны). Савватий служил справщиком в Книжной справе Московского печатного двора. В последние годы исследователи обнаружили его многочисленные стихотворные послания.

Савватий был крупнейшим деятелем просвещения и участвовал в составлении многих книг, в том числе для детей («Азбука отпускная», «Прещение вкратце о лености и нерадении»). Приведём отрывок из «Наставления ученику»:

...Того ради достоин сие поучение почаству прочитати, чтобы ко учению крепостне прилежати и леность и нерадение от себя отревати, яко леность и нерадение всякое благое дело паче же всего губит душу и тело...

В ряду писателей, обращавшихся к детям, стоит имя Симеона Полоцкого (1629–1680). Из множества его произведений особенное внимание привлекает огромная стихотворная энциклопедия «Вертоград многоцветный». Будучи учителем детей царя Алексея Михайловича – Алексея, Федора и Софьи, Симеон Полоцкий многие годы занимался педагогической деятельностью: в братской школе Полоцка обучал молодых подьячих латыни, грамматике, поэтике, риторике. Приведём несколько строк из «Увещания»:

Хощещи, чадо, благ разум стяжати —
тщися во трудех выну пребывати.
Временем раны нужда есть терпети,
Ибо тех кроме бесчинуют дети...

В «Вертограде многоцветном» он пишет не только о пользе учения в детстве, о необходимости сурового наказания за непослушание в учёбе, но и о том, как хорош прошедший обучение:

Яко же любезни суть прекрасния цветы,
такое научении всем приятны дети.

Мотив наказания как чуть ли не главного стимула обучения присутствует во всех книгах. В «Вертограде многоцветном» есть раздел под названием «Розга». Вопреки ему, неизвестный автор других стихов смягчает впечатление от суровости наказания и словно утешает ученика, мудро замечая, что на каждый возраст приходится своя доля страдания:

Малым розга березовая ко воумению,
Старым же жезл дубовый ко подкреплению;
Млад убо не может без розги учить,
Той же без жезла старый не может ходити.

Но уже и тогда поэзия находила слова, создававшие редкое по красоте образное представление о пользе учения:

Сад новый аще
водами поится, цветет,
и овощ от него родится;
учения корень горек есть,
плоды же его суть сладки.

Процесс обучения выражался образной метафорой: учиться – «аки сладкую реку пити». Сам безымянный отрок уже приобретал именование сына. В «Виршевом Домострое» (автор неизвестен, первая половина XVII века) находим удивительное обращение: «Наказание от некоего отца своему сыну, дабы он подвизался в добрых делах выну». В наставлениях отца – любовь («Тебе, свету возлюбленному, моему чаду, /Аки цветущему винограду») и забота о душевном и телесном здоровье сына.

Приведём в пример несколько строк с буквой «К»:

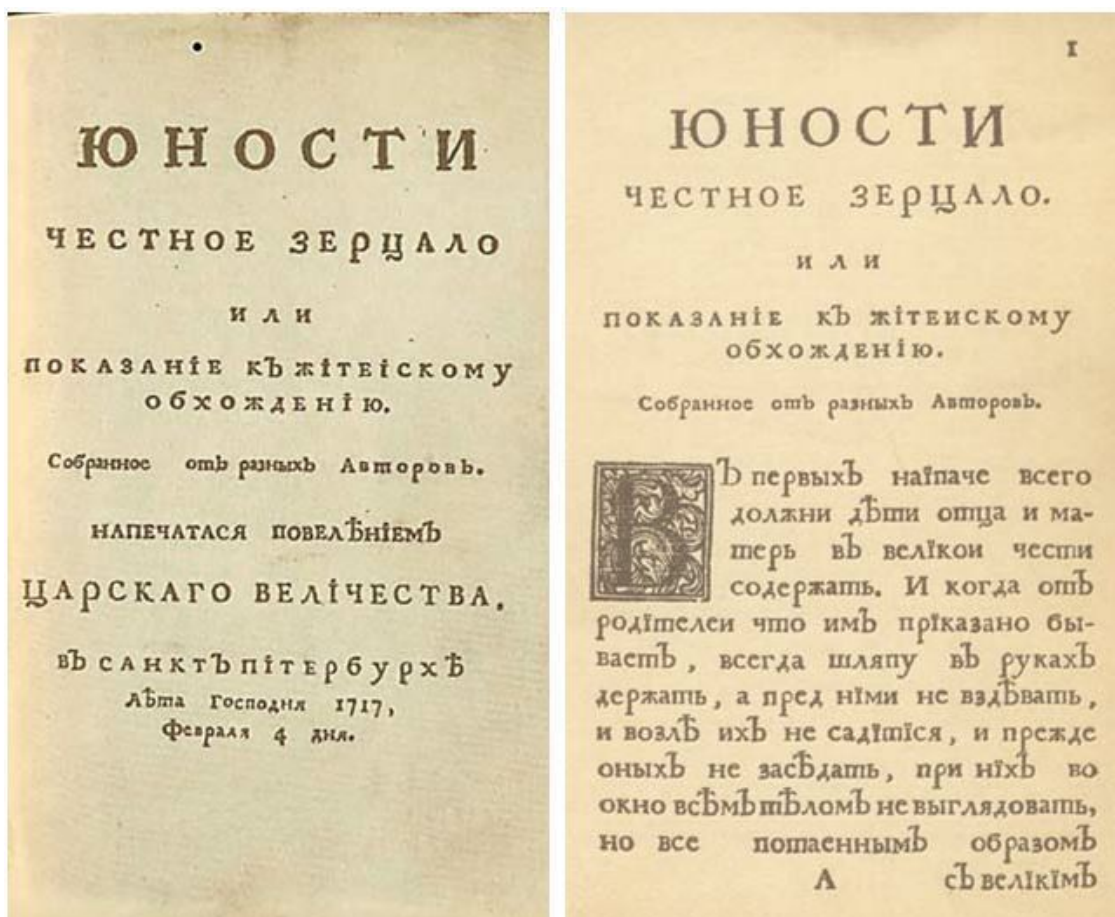
Киты суть в морях, кипарис на суше,
юный, отвержай в разум твоя уши.

<...>

В колесницу сядь, копием борися,
конем поезжай, ключем отоприся...

Детский «Лицевой букварь» лег в основу всех последующих букварей, вплоть до современных. Переходя от буквы к букве, ученик не только усваивал азбуку, но вместе с ней множество понятий познавательного и нравственного характера, букварь становился своеобразной поэтической энциклопедией.

В своём поэтическом «Домострое» Карион Истомина обращается не только к мальчикам, но и к девочкам. Он заменяет привычное в те времена физическое наказание на поклоны: число поклонов зависит от провинности отрока или отроковицы. В «Домострое» автор учит детей, как вести себя с родителями, говорит о необходимости ежедневно учиться. Он прекрасно понимает потребности возраста ученика и пишет о хороших играх, но исключает дурные. Читая книгу, ученик получал первые уроки этикета:

Еще и сие юнии да знают: шапкою
носа да не отирают...

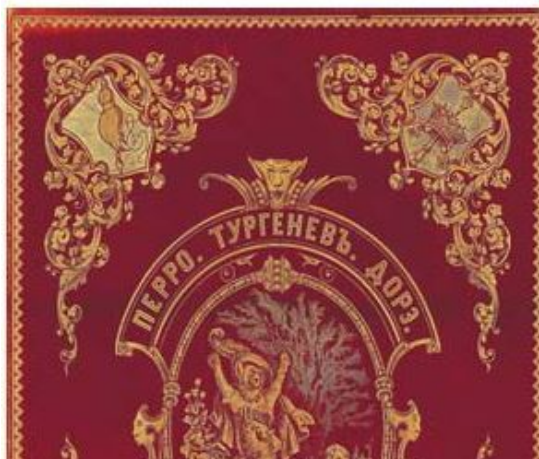
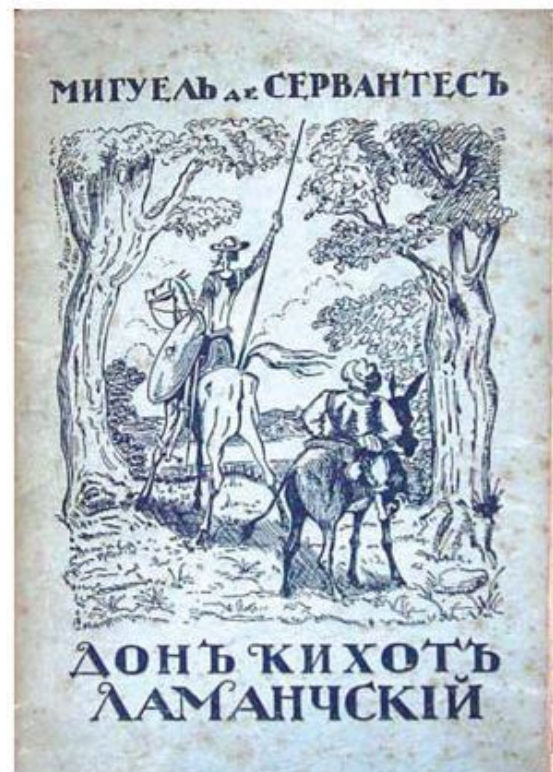
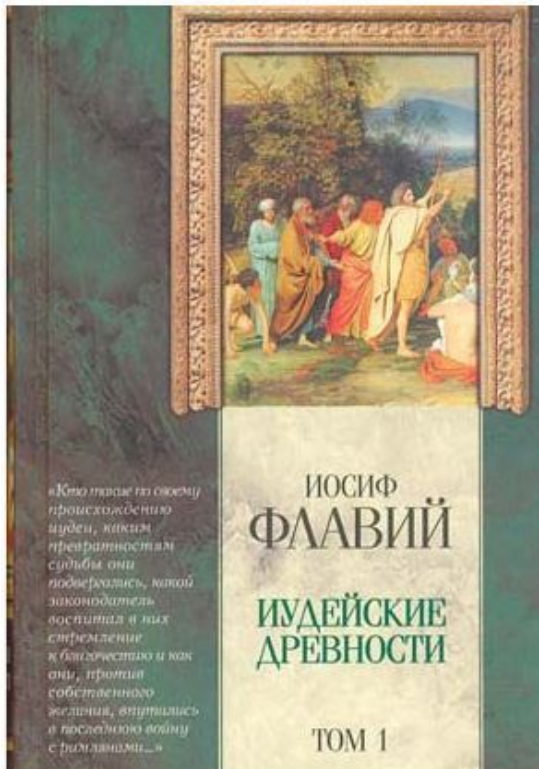
<...>

Очи, нос, уста отирати платом, в посмех
не молвити с отцем и братом.

Много ещё чего мудрого узнают «юнии» от прекрасного наставника Кариона Истомина, которого по праву мы называем первым русским детским писателем.

Век восемнадцатый заложил традиции русского просветительства. В литературе и воспитании детей особую роль сыграла «ученая дружина», объединившая людей, ратующих за просвещение, раннее обучение детей, поддерживающих идеи серьёзного образования для российского юношества. Среди них Феофан Прокопович, В. Н. Татищев, А. Д. Кантемир. В их прозе главное место занимают «завещательные поучения», «Разговоры», «Письма», «Гистории».

Особенный интерес представляла собой книга «Юности честное зеркало, или Показание к житейскому обхождению» (1717). В каком-то смысле книга напоминала букварь XVII века, но наиважнейшая её заслуга в том, что она давала первые уроки светского воспитания юношам и девушкам. Книга учила молодых людей нормам поведения в различных обстоятельствах.

Молодые люди должны были знать, как надо вести себя с родителями, со слугами, но больше всего она учила культуре общения с разными людьми и, естественно, со своими друзьями и сверстниками обоего пола. Быть может, впервые упоминались такие понятия, как вежливость, умение слушать других, умение вести себя достойно, без бахвальства, но и без унижения. Речь шла и о вреде праздности, о необходимости трудолюбия: «... младый отрок должен быть бодр, трудолюбив и беспокоен, подобно как в часах маятник».

Конечно, читая сегодня главу «Како младый отрок должен поступать, когда оный в беседе с другими сидит», мы невольно смеёмся над тем, какими же примитивными были представления молодых отроков (да и их наставников!) о самых элементарных правилах поведения: «В первых обрежь свои ногти, да не явится, яко бы оные бархатом обшиты... седи прямо и не хватай первый блюдо, не жри, как свинья... не сопи, егда яси...»

«Юности честное зеркало» позволило юным посмотреть на себя со стороны, увидеть, как ещё многому надо учиться, чтобы действительно стать достойным человеком.

В русской литературе для детей, наряду с учебно-прикладными книгами, большое распространение получила переводная литература. У читателей Древней Руси популярностью пользовалась «Александрия» (полуфантастическая история жизни и подвигов Александра Македонского) и «История Иудейской войны» Иосифа Флавия; в XVIII веке появились переводы византийских и западноевропейских рыцарских романов: «Бова-королевич», «Пётр – золотые ключи». В круг детского чтения входили басни Эзопа, «Дон Кихот» Сервантеса, сказки Ш. Перро, «Путешествие Гулливера» Свифта. Популярными становились книги, написанные в форме беседы наставника с учеником, отца с сыном. Начало здесь положил перевод политико-нравоучительного романа Франсуа Фене-лона (1661–1715) «Приключения Телемака, сына Улиссова».

Странствия Телемака и его старшего друга, воспитателя Ментора, чьё имя стало нарицательным, их беседы вовлекали читателя в круг разнообразных знаний о многих странах и явлениях окружающего мира.

Большой популярностью пользовалась книга Андрея Болотова «Детская философия, или Нравоучительные разговоры между одной госпожою и её детьми». «Разговоры» подчас приобретают форму рассказов, с главной темой о мире и населяющих его вещах, о том, что такое благополучие и как могут дети его достигнуть.

Необычайным, по художественной силе авторского изображения, стал Митрофанушка, герой пьесы Фонвизина «Недоросль» (1781). Интересен разговор Правдина с Софьей о её «женихе» Митрофанушке. Успокаивая настоящего жениха Софьи, Правдин сообщает ему, чем

занят готовый жениться Митрофанушка: он «доучивает Часослов; а там, думать надобно, примутся за Псалтирь».

С начала 1770-х годов в русской литературе получает развитие новое направление – сентиментализм. На место культа разума, характерного для классицизма, приходит культ «естественного человека», происходит открытие человеческой души, её эмоциональной жизни, возникает небывалый до той поры культ природы, связанной с жизнью человека. В свете новых веяний время детства стало привлекать особое внимание. Именно ребёнок, с его невинными радостями, с его чистотой, стал мерилom утрачиваемых с возрастом ценностей. Поэзия любит детства:

Ты мил мне, мил, дитя среди своих утех;
Весенняя роса твой плач. Аврора – смех.

(М. М. Херасков «К дитяти»)

Поэзия начинает входить в быт ребёнка, в его игры. В атмосферу детской комнаты, детских забав вводит, например, стихотворение Г. А. Хованского «Послание к детям Никулушке и Грушеньке», появляются стихотворения типа «К моему маленькому другу», «К дитяти». Ребёнок наделяется способностью сильно и глубоко чувствовать:

Покинутый тобой, всего лишился я;
Ты, маменька, была вселенная моя.

Осиротевший ребёнок ощущает всю силу утраты:

И солнышко теперь луч светлый скрыло свой.
По маменьке грустит природа вся со мной...

(Н.С. Смирнов «Покинутое дитя»)

Заметную роль в литературе конца XVIII века сыграла книжка А. С. Шишкова (1783–1785) «Детская библиотека». Это был перевод одноименной книги немецкого писателя-педагога И. Г. Кампе. Менее интересна проза, представляющая, чаще всего, назидательные рассказы о хороших и плохих детях. Но многие стихи звучали не как переводы, а как полноценная и яркая поэзия, передающая живые характеры и живые ситуации из жизни не придуманных, а подлинных детей. Здесь нельзя пройти мимо интереснейшего литературного факта. Яростный противник Карамзина и нового направления в русской литературе, будущий адмирал Шишков, причисляемый к самым непримиримым сторонникам языка и общего направления литературы классицизма, архаист и консерватор, в литературе для детей он выступил в другом качестве – чуть ли не новатора.

В чисто детскую игровую ситуацию вводит «Колыбельная песенка, которую поёт Анюта, укачивая свою куклу». Полными веселья, готовыми на любые шалости предстают дети в стихотворениях «Песенка на купанье» и «Николашина похвала зимним утехам». Какой радостью, какой отвагой звучит голос героя «Песенки на купанье»:

По самые груди
Иду в глубину,
Эй, добрые люди,
Прощайте, нырну.
Какое приволье
Купаться в реке!
Раздолье, раздолье
В таком холодке...

Своеобразным открытием внутреннего мира ребёнка представляется стихотворение «Добросердечная Наташа». Это маленькая песенка, создающая два живых, но противоположных характера – неугомонного, нетерпеливого во всем Петруши и спокойной, тихой Наташи. Но ещё важнее – то движение в сюжете, которое приводит Петрушу, обидевшему сестру, к душевному перелому:

И вместо гневного движенья
Явились слёзы сожаленья.
Упал он к сестриним ногам.

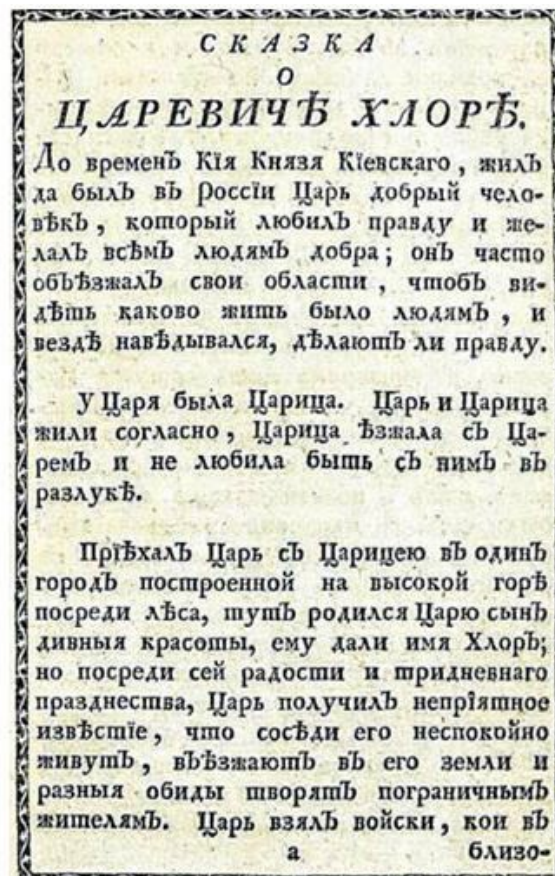
Он просит о прощении, готов вынести от сестры любое наказание. Кульминацией стихотворения становятся слова добросердечной Наташи: «Раскаянья твоего довольно...» Слова эти оказались значительными не только для детской литературы, но и для многих последующих «взрослых» произведений.

«Детская библиотека» пользовалась большим успехом. Восхищенным её читателем был пяти-шестилетний Серёжа Аксаков. Уже через многие десятилетия, в пору создания повести «Детские годы Багрова-внука», он назвал «Детскую библиотеку» лучшей детской книгой и перечислил любимые стихотворения, которые «помнил и теперь наизусть»².

---

² Аксаков С. Т. Собр. соч. М., 1955. Т. 1. С. 361.

Нельзя обойти вниманием Смольный институт, созданный указом Екатерины II (1764) при Вознесенском Смольном Новодевичьем монастыре под названием «Воспитательное общество благородных девиц». Императрица видела в своих воспитанницах будущих жён и матерей, которым предстояло воспитать новое поколение просвещенного дворянства и оказать, таким образом, благотворное влияние на дальнейшее развитие общества. Многие воспоминания смолянок первого выпуска передают порядок, установленный в Смольном, где существовало полное равенство между детьми, а заслугами служили только талант и успехи.

В своих воспоминаниях Г. И. Ржевская (урожденная Алымова) дала объяснение, почему императрица выбрала помещение, далеко отстоявшее от города: «... дабы удалить воспитанниц от света до той поры, когда вполне развитой разум и твёрдо вкоренившиеся в сердце нравственные начала» подготовят человека для вступления в жизнь³.

Из многих сочинений Екатерины, обращённых к детям, выделяется её «Сказка о царевиче Хлоре». Полная аллегорий, сказка, однако, очень ясно отражает замысел автора. Царевич Хлор должен найти розу без шипов, и вряд ли ему удалось бы это сделать, если бы не пришла на помощь дочь хана Киргизского Фелица. Именно она указала маленькому царевичу, по какому пути ему следовало идти и какого пути избегать. Правильный путь привёл царевича сначала к встрече с юным сыном Фелицы – Рассудком, а затем с двумя старыми людьми, имя одного из них было Честность, имя другой – Правда. К Фелице как воплощению этих добродетелей обращал свои оды, прославляя её, Гаврила Романович Державин.

³ Ржевская Г. И. Памятные записки Глафиры Ивановны Ржевской // Русский архив. 1871. № 1–7.

Подлинным событием детской литературы XVIII века стал первый русский журнал для детей «Детское чтение для сердца и разума». Его создатель, Николай Иванович Новиков, издатель известных журналов, таких как «Трутенъ» (где автор всячески полемизировал с императрицей), «Пустомеля», «Кошелёк» перенёс многие важнейшие для него идеи – о необходимости просвещения, нравственного воспитания юношества и знания своего родного русского языка на страницы журнала для детей. Эти идеи он высказал в обращении к «благородному российскому юношеству». Понимая, что общество ещё не готово к тому, чтобы тратить деньги на покупку детского журнала, Новиков сделал каждый номер бесплатным приложением к популярной газете «Московские ведомости».

Журнал просуществовал четыре года, с 1785 по 1789 год. Дальнейшая судьба Новикова была трагичной: его журналы были закрыты, а он сам в 1792 году был арестован и посажен в Шлиссельбургскую крепость.

Две главные задачи поставил перед журналом «Детское чтение для сердца и разума» его издатель: создавать такие увлекательно написанные рассказы, пьесы из физики, натуральной истории, географии и других наук, «кои знать вам нужно» и которые принесут пользу для «обогащения ума».

Вместе с тем в журнале речь должна идти о таких предметах, которые послужат к рождению «в младых сердцах... таких чувствований, без которых человек благополучен и доволен быть не может». В пьесках, рассуждениях (к примеру, «Крестьянское состояние» или «Переписка отца с сыном о деревенской жизни»), в баснях, сказках («Бабочка с золотыми крылышками, стрекоза с тоненькими ножками и прилежная пчёлка»), в десятках рассуждений, разговоров между родителями и детьми Новиков, по существу, высказал самые важные для себя мысли, касающиеся так ненавистных ему деспотизма и тирании, чванства и невежества, а с другой стороны, всего доброго и нравственно бесценного, что должно входить в жизнь человека с самого его младенчества.

Особо следует сказать о роли Николая Михайловича Карамзина в становлении детской литературы. Его имя в журнале стоит под одной из самых «чувствительных» повестей – «Евгений и Юлия», лирическим повествованием «Прогулка» и пятью стихотворениями (в журнале в целом преобладала проза и частично драматургия). Описывая жизнь госпожи Л. и её воспитанницы Юлии, Карамзин обращает внимание на то, как, находясь в совершенном уединении, обе они жили полной жизнью: «Праздность и скука, которые угнетают многих деревенских жителей, не смели к ним приблизиться. Они всегда чем-нибудь занимались; сердце и разум их всегда были в действии». В этих словах Карамзин сформулировал то главное, что составляло суть журнала и ради чего он отдавал «Детскому чтению» столько сил и времени: переводил, писал, собирал материалы для очередного номера.

Его стихотворения, несколько сложные для юного читателя, отражали мир его души. В них присутствуют мотивы чувствительной нежной дружбы, скоротечности жизни, исповедь души, радость от общения с природой:

Зефир со мной играет,
меня утешить хочет;
Печаль мою развеять
намерен непременно.

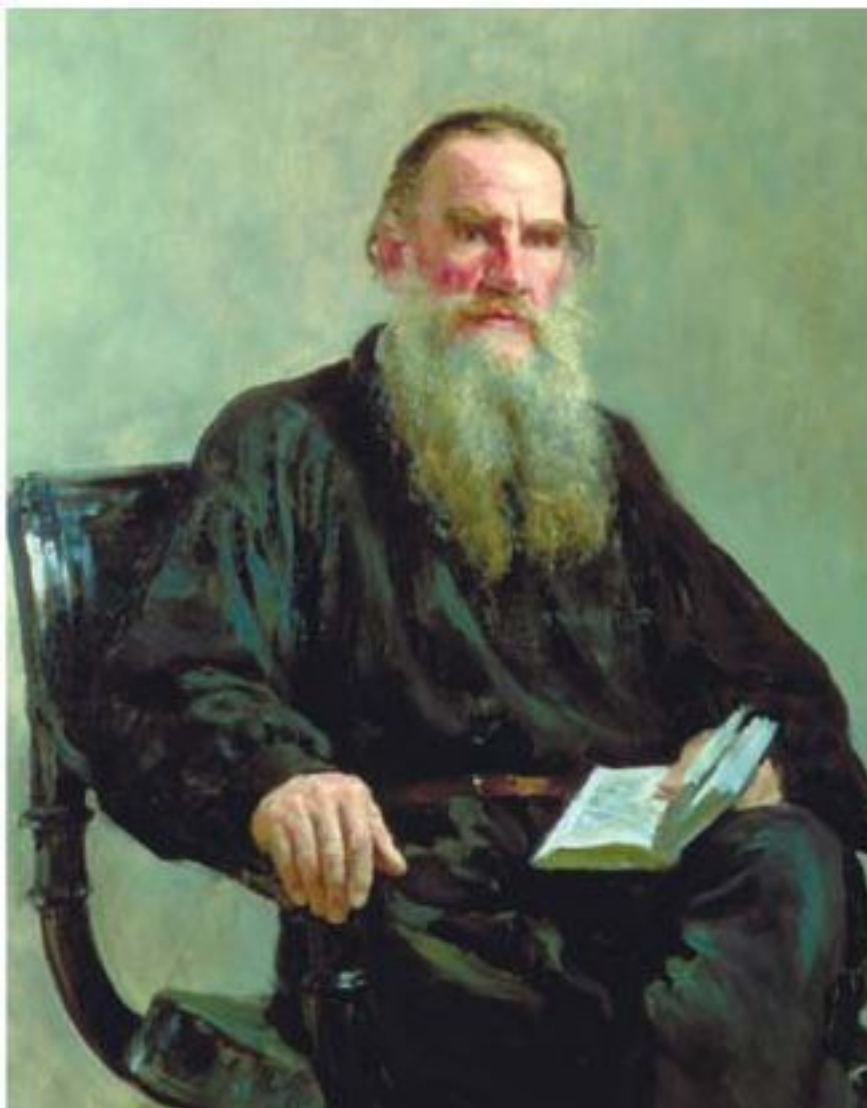
Карамзин не случайно печатал эти стихи в «Детском чтении»: журнал ему был дорог как источник первоначального воспитания. Он был убеждён в том, что детская душа способна

испытывать самые глубокие ощущения и стремился оказать влияние на формирование души нежной, чувствительной и отзывчивой. Многие десятилетия спустя, высоко оценивая журнал, Белинский первым назвал имя Карамзина. «Много читателей впоследствии доставил Карамзин и себе, и другим, подготовив этим “Детским чтением”»⁴.

---

⁴ Белинский В. Г. О детских книгах: Подарок на Новый год... // Полн. собр. соч. М., 1954. Т. 4. С. 106–107.

«Гордые мои мечты об этой “Азбуке”...» Лев Толстой

Больше пятнадцати лет в общей сложности работал Лев Николаевич Толстой над созданием «Азбуки» для детей. Родным и друзьям его казалось, что за это время он мог бы написать большие книги. Сам Толстой относился к этому труду иначе: «Я уверен, что я *памятник воздвиг* (курсив Толстого – *Е. П.*) этой “Азбукой”»; «Я же положил на неё труда и любви больше, чем на всё, что делал, и знаю, что это – одно дело моей жизни важное»⁵.

Толстой отдал школе много. Но, может быть, ещё больше получил от неё сам. Подспудно, незаметно для него, его размышления, уроки и прогулки с детьми становились частью его художественного мира, давали богатый материал для сюжетов, эпизодов его будущих книг.

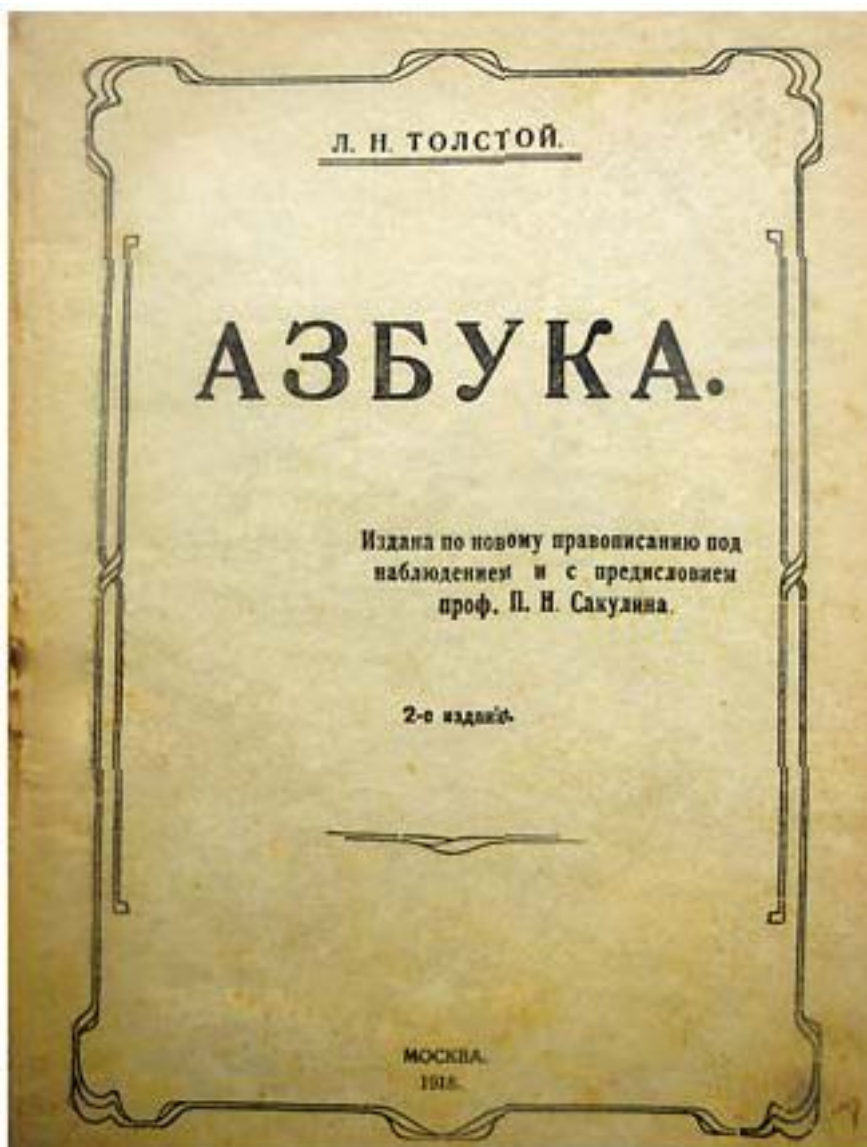
Так, например, если события его личной жизни тех лет нашли глубокое выражение в истории Кити и Левина, то, конечно же, влиянием яснополянской школы во многом окрашены поведение и чувства девятилетнего Серёжи Каренина. Сомнения Толстого-учителя, нужно ли на уроке грамматики требовать от детей «механического разложения» живой речи на всякие определения, полностью подтвердились Серёжей Карениным, который решительно не мог

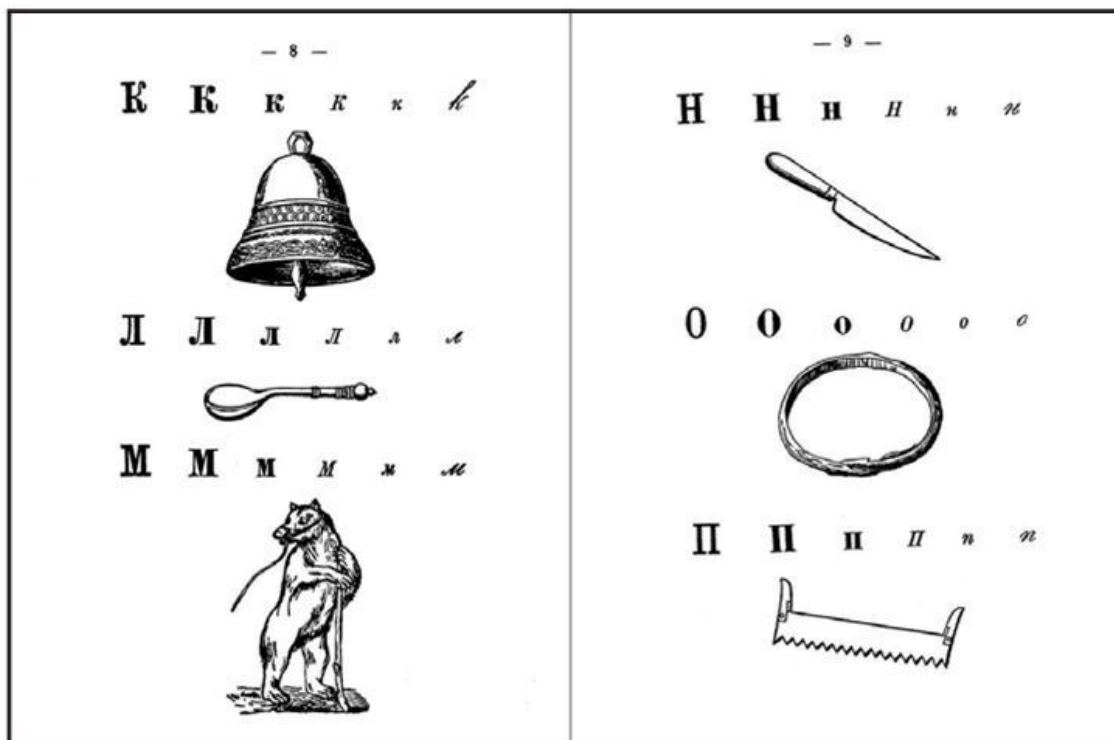
---

⁵ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М.: Л., 1928–1958. Т. 60. С. 308.

«понять, как коротенькое и такое понятное слово “вдруг” есть обстоятельство образа действия».

Всем своим поведением Серёжа выразил самые глубинные педагогические рассуждения Толстого, в частности, о двух типах учеников, где один – способный, но учится плохо, потому что его натуре чужды принципы схоластического воспитания, а другой – куда менее способный и без труда заучивающий всё, что требует учитель. Отец и педагог были оба недовольны Серёжей: по их мнению, он не хотел учиться. Однако душа его «была переполнена жаждой познания. И он учился у Капитоныча, у няни, у Наденьки, у Василия Лукича, а не у учителей. Та вода, которую отец и педагог ждали на свои колёса, давно уже просочилась и работала в другом месте». Серёжа с удовольствием слушал рассказы из Библии (которую Толстой больше всего пересказывал ученикам и считал лучшей книгой для первоначального детского чтения, образцом «как по форме, так и по содержанию»).

Общение Толстого с детьми помогло ему в те годы проверить и разрешить многие его сомнения и вопросы: как объяснять историю и как писать о ней? Нужно ли человеку искусство? В чём заключается сила художественного слова?

Незабываемым для Толстого и для детей, может быть, «самым памятным» часом стал урок истории о войне с Наполеоном. События пятидесятилетней давности вызывали у слушателей бурную реакцию: отступление наших войск мучило слушателей, они требовали объяснений, спорили о Кутузове и Барклае. Но как только дошло до прихода Наполеона в Москву, ожидания ключей и поклонов, – «всё загрохотало от сознания непокоримости». Наконец наступило торжество – отступление.

«Как он вышел из Москвы, тут Кутузов погнал его бить», – сказал я.
«Окарячил его!» – поправил меня Федька, который весь красный сидел против меня и от волнения корчил свои тоненькие чёрные пальцы. Как только он сказал это, как вся комната застонала от гордого восторга».

Восторг был так силён, что переход к воспоминаниям Крымской войны заставил чувства ребят вспыхнуть ещё сильнее. «Попался бы нам теперь Шевардинский редут или Малахов курган, мы бы его отбили»⁶. Этот пример и многие ему подобные привели писателя к выводу: для того, чтобы возбудить интерес к истории, необходимы два элемента – художественное чувство поэзии и патриотизм.

Невольно вспоминается здесь сон Николеньки Болконского после того, как Пьер рассказал в его присутствии о делах в Петербурге. Этот сон, завершающий сюжетное развитие всего романа и в какой-то мере пророческий, не мог ещё дать воображению Николеньки ничего хоть сколько-нибудь определенного... Он увидел себя и Пьера в касках – «таких, которые были нарисованы в издании Плутарха». Не зная ещё, что это будет, он хотел бы, чтобы с ним было то, «что было с людьми Плутарха», и он сделает то же, что они, и «сделает ещё лучше». Плутарх

⁶ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. Т. 8. С. 102.

здесь не случаен. Толстой любил его, и, что было для него тогда важным, Плутарх был одной из немногих книг, включённых Руссо в круг чтения Эмиля.

Не меньшее значение для Толстого имела ночная прогулка с детьми по зимнему лесу ⁷, когда «конца не было этому белому, в котором только мы одни хрустели по снегу», и возникли из глубины души ребят вопросы самые сокровенные и для учителя.

---

⁷ Об этом эпизоде см.: Гусев Н. Н. Л. Н. Толстой. Материалы к биографии. 1855–1869. М., 1957. С. 517.

Настойчиво спрашивая, зачем рисование, зачем пение, зачем растёт и цветёт липа, Федька, по существу, задавал самый главный вопрос: зачем искусство? Объяснения Сёмки, видевшего во всём в первую очередь пользу, не могли удовлетворить Федьку, и учитель, и они поняли друг друга, они поняли, что «не всё есть польза, а есть красота» и что искусство есть красота.

Именно этот разговор и вся открытая искусству, художественно одарённая натура Федьки становится для Толстого самым главным аргументом в его споре с противниками народного образования.

В ряду детских героев Толстого и Федька, и Сёмка должны занять своё место как два замечательных художественных типа, выражающих два разных подхода к жизни и поэзии.

И, наконец, самое яркое впечатление – совместное сочинение с учениками двух рассказов – «Ложкой кормит, стеблем глаз колет» и «Солдаткино житьё»⁸ – вызвало к жизни статью «Кому у кого учиться писать: крестьянским детям у нас или нам у крестьянских ребят?» Собственно, это и не статья, а необыкновенный по силе рассказ о том, как под влиянием великого художника происходит процесс «заражения» его учеников искусством. Но ещё полнее воспроизвел Толстой здесь самого себя, с возбуждением, доходящим до той степени, что он кажется заболевшим.

В этом необыкновенном, исполненном высшей художественности пересказе, что и как Толстой увидел за строчками сочинений ребят, он изобразил себя в общей с детьми «заражённости» одними и теми же чувствами и убеждениями, испытанные им чувства – из тех, что «заставляют отрешаться от старого и вполне предаваться новому». Он был полон ошеломив-

⁸ Рассказ «Ложкой кормит...» помещён в «Книжке Ясной Поляны», 1962, № 4; «Солдаткино житьё» – № 9.

шим его радостным ощущением, что он открыл тот «философский камень, который тщетно искал два года, – искусству учить выражению мыслей»⁹.

С конца 60-х годов Толстой задумывал и осуществлял новую огромную работу – «Азбуку», которая служила бы материалом чтения и образования для тысяч детей. Записные книжки и письма 1871–1872 годов передают предельную увлечённость Толстого новым трудом. «Что из этого выйдет, не знаю, а положил я в него всю душу»; «Всё время и силы мои заняты „Азбукой“»; «Эта “Азбука” одна может дать работы на 100 лет».

Ради чего хотел учить он крестьянских детей? Он писал:

«Как только дело касается живой души человеческой и можно полюбить тех, для кого трудишься, то уж бесёнку не убедить нас, что любовь – пустяк. <...> Я теперь весь из отвлечённой педагогики перескочил в практическую <...> и полюбил опять, как четырнадцать лет тому назад, эти тысячи ребятишек, с которыми опять имею дело. <...> Я не рассуждаю, но когда я вхожу в школу и вижу эту толпу оборванных, грязных, худых детей, с их светлыми глазами и так часто ангельскими выражениями, на меня находит тревога, ужас, вроде того, который испытывал бы при виде тонущих людей. Ах, батюшки, как бы вытащить <...> И тонет тут самое дорогое, именно то духовное, которое так очевидно бросается в глаза в детях. Я хочу образования для народа только для того, чтобы спасти тех тонущих там Пушкиных, Филаретов, Ломоносовых. А они кишат в каждой школе»¹⁰.

В поисках материала он обращается к разным источникам – и в первую очередь к самому бесспорному: русскому народному творчеству. Второй источник – древнегреческая литература, ради которой он изучил древнегреческий язык; параллельно шло внимательное чтение литературы арабской, индийской, французской, немецкой. И не менее увлечённо он занимался геометрией, физикой, химией, астрономией, зоологией. Толстой хотел создать совершенно новую книгу, которая ответила бы ученику на множество вопросов из явлений окружающей жизни и стала бы для него источником художественного и нравственного воспитания. «Азбуки, арифметики, грамматики поглотили его всего настолько, что он перестал писать романы»¹¹.

---

⁹ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. Т. 8. С. 306.

¹⁰ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. Т. 62. С. 130.

¹¹ Дневники С. А. Толстой. 1860–1891. М., 1928. С. 33.

Первое издание «Азбуки» (1872) вызвало, в общем, отрицательное отношение. Обычно равнодушный к критике Толстой на этот раз «почувствовал огорчение и уныние». Но неодобрительные отзывы не поколебали уверенности в необходимости и ценности работы:

«Если б мой роман потерпел такой неуспех, я бы легко поверил и помирился, что он не хорош. А это я вполне убежден, что “Азбука” моя есть необыкновенно хороша и её не поняли»¹².

Однако отстаивая и защищая свой метод обучения грамоте и арифметике, Толстой многое пересмотрел заново. Рождались новые сюжеты, уточнялись методы первоначального обучения, менялся план построения всей огромной книги, и когда в 1875 году вышла «Новая азбука», она сразу же получила широкое распространение. Её рассматривали как лучшую из существовавших книг для образования детей «и по форме, и по содержанию». Видный профессор-естественник и педагог С. А. Рачинский высказал уверенность, что своей работой Толстой оказал «величайшую услугу... русскому школьному делу» и что «нет в мире литературы, которая могла бы похвалиться чем-либо подобным»¹³. Он писал:

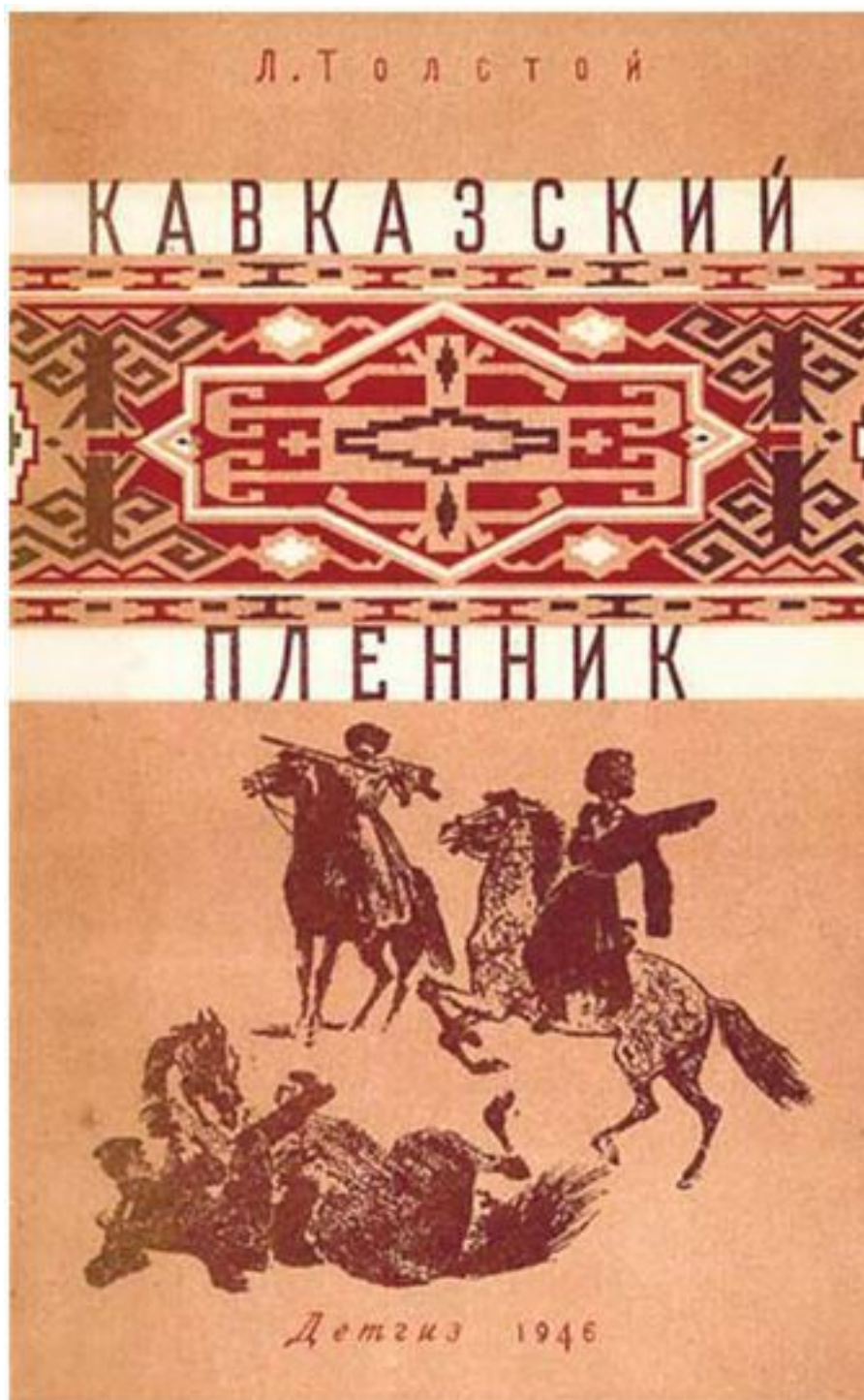
¹² Там же. С. 34.

¹³ Письма Толстого и к Толстому. М.; Л., 1928. С. 216.

«Знаете ли Вы, какое сокровище Ваша азбука, Ваши книги для чтения? <...> Поверьте, что в Ваших школьных книгах есть та же доля сверхъестественного, то есть творчество *par la grace de Dieu* (Божьей милостью), как и в лучших Ваших романах».

Первым произведением из «Азбуки», опубликованным отдельной книжкой в 1872 году, была повесть «Кавказский пленник», особенно важная для Толстого: именно её он рассматривал как «образец тех приёмов и языка», которым он теперь пишет и «будет писать для больших».

Б. Эйхенбаум увидел в этой повести действительное воплощение «красоты и ясности рисунка и штриха», к которому стремился Толстой. Ничто в этом простом сюжете не напоминает романтическую поэму:

«Нет никаких психологических раскрасок, никаких отступлений в сторону. В основу положены простые, первобытные, «натуральные» отношения и чувства... всё действие построено на борьбе за жизнь»¹⁴.

¹⁴ Эйхенбаум Б. Лев Толстой. Семидесятые годы. Л., 1960. С. 83–84.

Это замечательно верно, если иметь в виду фабулу повести и двух героев – Жилина и Костылина. Но в повести есть и другая линия – лирическая и психологическая, и героиня её – тринадцатилетняя Дина. Повесть не случайно носит пушкинское название; не случайно русского офицера спасает девочка. Толстой подчёркивает красоту Дины, её чёрные ясные глаза, нарядную одежду, весёлый смех.

В жизни Дины не происходит никаких внешних событий, но происходят перемены внутренние, и причина их – её большая детская любовь к Жилину. Вначале он не вызывает у Дины симпатии: «Подала воду... Сидит, глаза раскрыла, глядит на Жилина, как он воду пьёт, – как на зверя какого». Но через некоторое время в душе девочки рождается сочувствие к пленнику, и совсем не за сделанные ей игрушки: её детское тонкое чутьё подсказывает ей, что Жилин – хороший человек. Чувство её становится деятельным: как пушкинская черкешенка, она носит ему молоко, лепёшки, мясо.

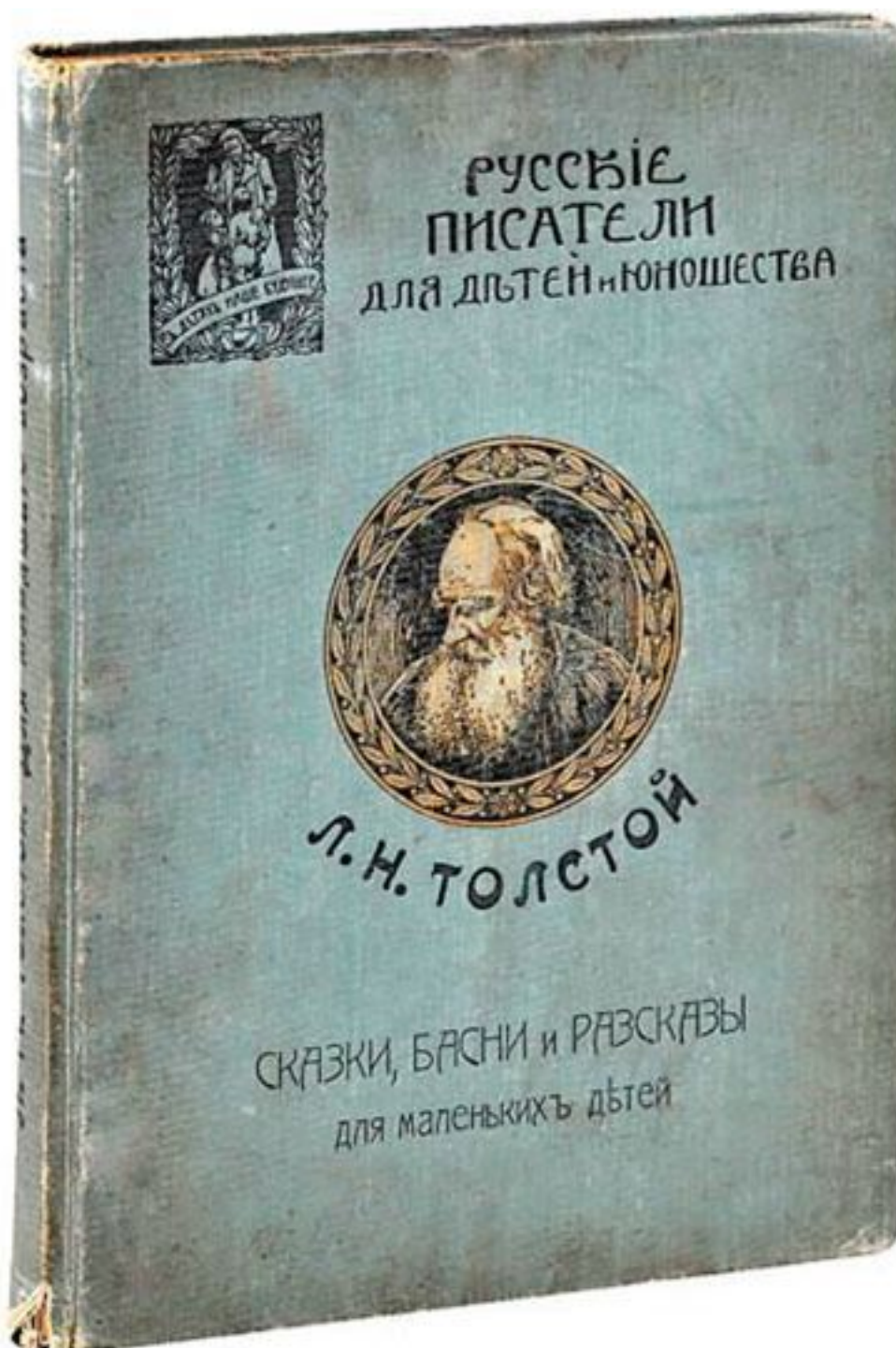
Перемена в судьбе Жилина после неудачного побега делает Дину взрослее. Полон истинного драматизма эпизод спасения Диной Жилина: она бежит до последней возможности, чтобы помочь ему сбить колодки. Горе и отчаяние переполняют её в минуту прощания с ним: «Спасибо, – говорит, – умница, – и погладил её по голове. Как заплачет Дина, закрылась руками, побежала на гору...». В изображении Толстого детская любовь оказалась не менее способной на решимость и сострадание, чем любовь взрослая.

Столь же многозначны десятки других детских рассказов, они вобрали в себя огромный мир размышлений, моральных и художественных представлений Толстого. Но здесь, в рассказах для детей, многое звучит в ещё более открытой, более обнажённой, лишенной каких бы то ни было условностей форме. Только в детских рассказах можно было сказать так: «мать сочла сливы и видит, одной нет.

Она сказала отцу» («Косточка»); «Отец спросил: “Кто разбил?” Мальчик затрясся от страха и сказал: “Я”. Отец сказал: “Спасибо, что правду сказал”» («Мальчик играл и нечаянно разбил дорожную чашку»).

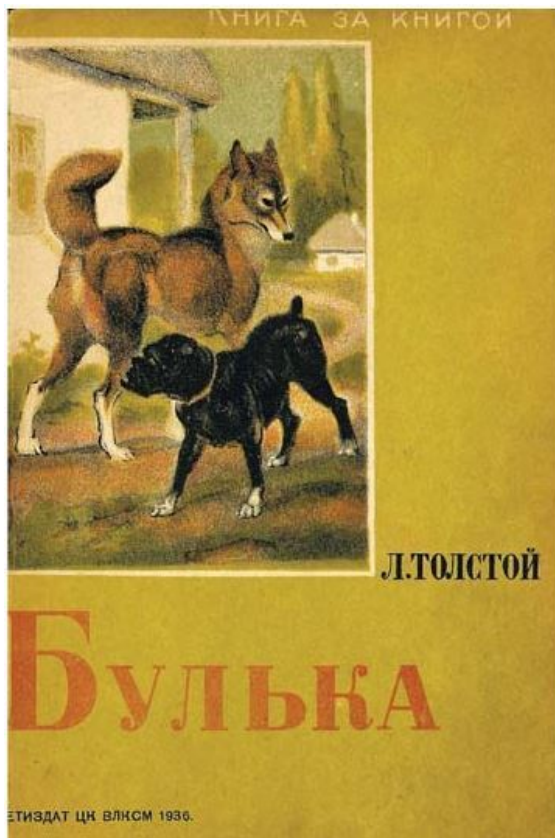
Рассказ Платона Каратаева, так подействовавший на Пьера, – о несправедливо осуждённом купце Аксёнове, нашёл отражение в были «Бог правду видит, да не скоро скажет». Все те представления об отношениях между людьми, которые позднее легли в основу многих народных рассказов, с кристальной чистотой воплотились в сюжеты о крестьянской девочке, принесшей в дом найденного ребёночка, и о её матери, которая не хотела брать его, потому что они бедны, но доброта девочки и собственная жалость оказались сильнее («Подкидыш»); о мальчике, укоровшем отца и мать за бессердечное отношение к немощи, и их раскаянии («Старый дед и внучек»).

В этом ряду детских рассказов особенно выделяется миниатюра «Старик сажал яблони...». В рассказе «Три смерти», как писал Толстой, только «дерево умирает спокойно, честно и красиво». Но в этой притче о старике человек оказывается выше природы: высшую красоту обретает нравственный поступок, старик сознательно оставляет плоды своего труда тем, кто будет жить после него. Так Толстой осуществляет давнишнюю мечту: «... воспитывая, образывая, развивая... достигнуть наибольшей гармонии в смысле правды, красоты, добра»¹⁵.

¹⁵ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. Т. 21. С. 321.

Но не менее важным было найти путь к чуду «заражения» ребёнка искусством слова. «Надо, чтобы все было красиво, просто и, главное, ясно» – так определил для себя Толстой главный и единственный принцип в этой работе. Умение писать коротко и просто давалось нелегко. «Рассказы, басни... есть просеянное в 20 раз большего количества приготовленных рассказов, и каждый из них был переделыван по 10 раз и стоил мне большего труда, чем какое бы то ни было место из всех моих сочинений»¹⁶. Самой трудной, «ужасной», оказалась работа над языком, неузнаваемо, по сравнению с «взрослыми» произведениями, менялись лексика, синтаксис. Если выписать одну фразу из романа Толстого, то в её объём уложится несколько детских рассказов с законченным сюжетом, ясно очерченными героями и событиями. В рассказах для детей Толстой стремился строить фразу из нескольких только слов, избегая обстоятельство образа действия, дополнений, причастных и деепричастных оборотов, описаний, эпитетов, метафор.

Если он и прибегает к сравнениям, то берёт их из мира обжитого, предельно знакомого ребёнку: «Вода эта горячая, как кипятки... и над местом, где идёт вода из горы, всегда стоит пар, как над самоваром» («Что случилось с Булькой в Пятигорске»).

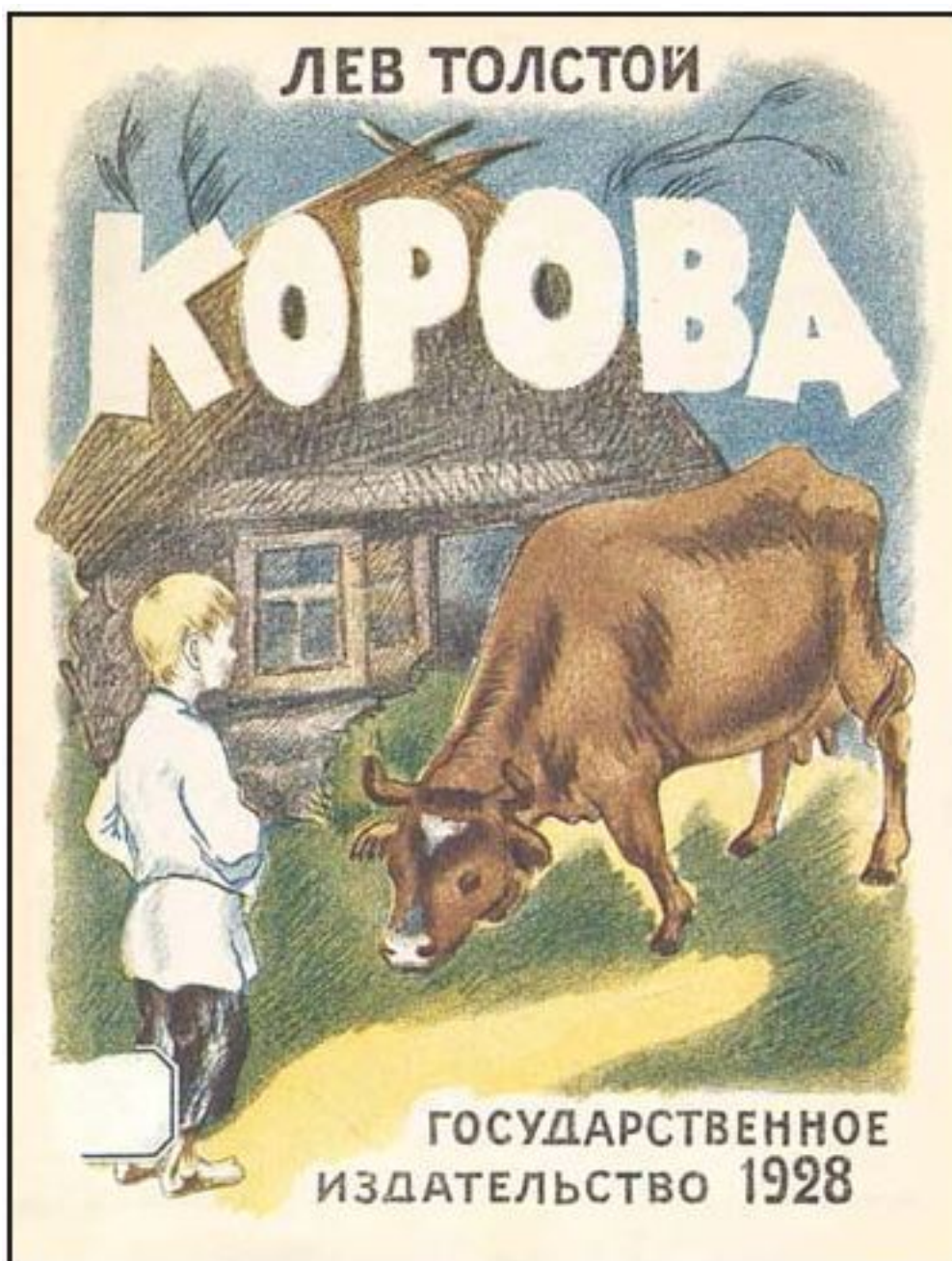
Толстой видел в детях «черты сметливости, огромного запаса сведений из практической жизни, шутовости, простоты, отвращения от всего фальшивого». Он и стремился вызвать, возбудить интерес у детей к тысячам вопросов: куда девается вода из моря, отчего в мороз трещат деревья, отчего бывает ветер. Отвечая на эти вопросы, Толстой выступает замечательным мастером живого увлекательного общения с ребёнком. Объяснения Толстого (за которыми чувствуется его огромная работа) достаточно просты, но без упрощения. Он отбирает яркие, близкие и понятные читателю примеры, а затем от простого, знакомого ребёнку понятия

¹⁶ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. Т. 62. С. 250.

и ощущения ведёт его к большим, интересным обобщениям и знаниям. Ответ, например, про ветер начинается с описания бумажного змея, которого ветер подхватывает и уносит высоко в небо, и если бы не было ветра, нельзя было бы запускать змея. Потом идёт описание такого близкого и знакомого ребёнку предмета, как мельница, и тоже, если бы ветра не было, нельзя было бы молоть зерно на ветряных мельницах. Потом так же интересно будет рассказано о парусной лодке, и в результате ещё многих примеров – огромный обобщающий вывод: «Если бы ветра не было, то где вода, там было бы больше воды, а земля вся бы пересохла» («Для чего ветер?»).

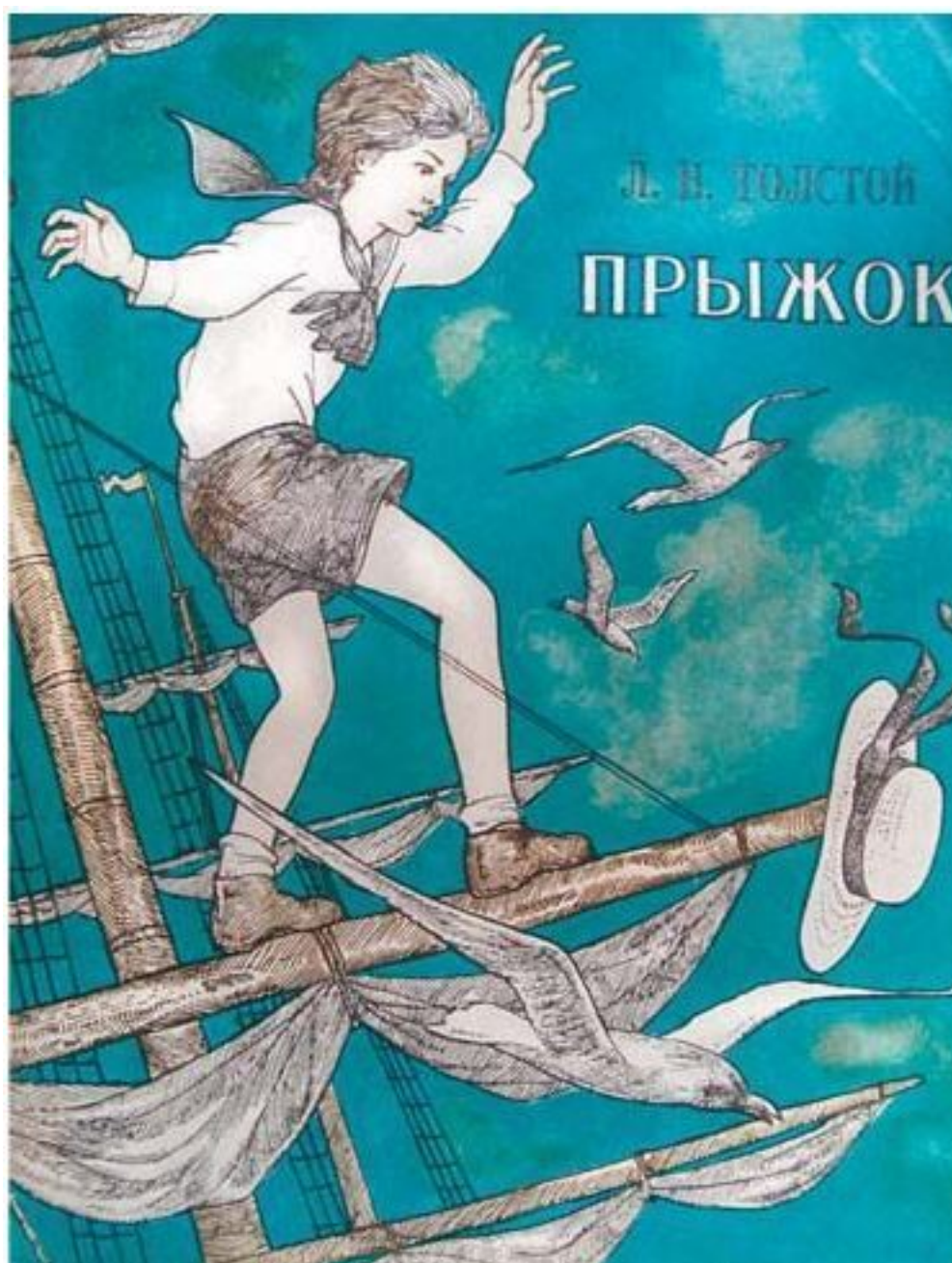
Особенного искусства Толстой достигает в рассказах для самого первоначального чтения. Рассказы эти, занимающие всего три-четыре строчки, необычайно насыщены. Всё сразу начинается с действия: «Пошли дети на гумно...», «Была драка между Жучкой и кошкой». Всё ощутимо и наглядно, мир приближен, как будто смотришь на него сквозь увеличительное стекло: «Спала кошка на крыше, сжала лапки. Села подле кошки птичка» – и кошка, кажется, здесь как будто совсем рядом, настолько близко, что можно увидеть эти сжатые лапки и почувствовать угрозу, нависшую над птичкой. Каждая фраза в таком рассказе вырастает в отдельную картину, одна картина следует за другой, и все вместе они создают ощущение немаловажного и достаточно протяжённого во времени события.

В рассказах для старших детей Толстой вводит читателя в гораздо более сложный эмоциональный мир, но и тут тоже всё сдержанно и экономно. Одной-двумя деталями Толстой даёт

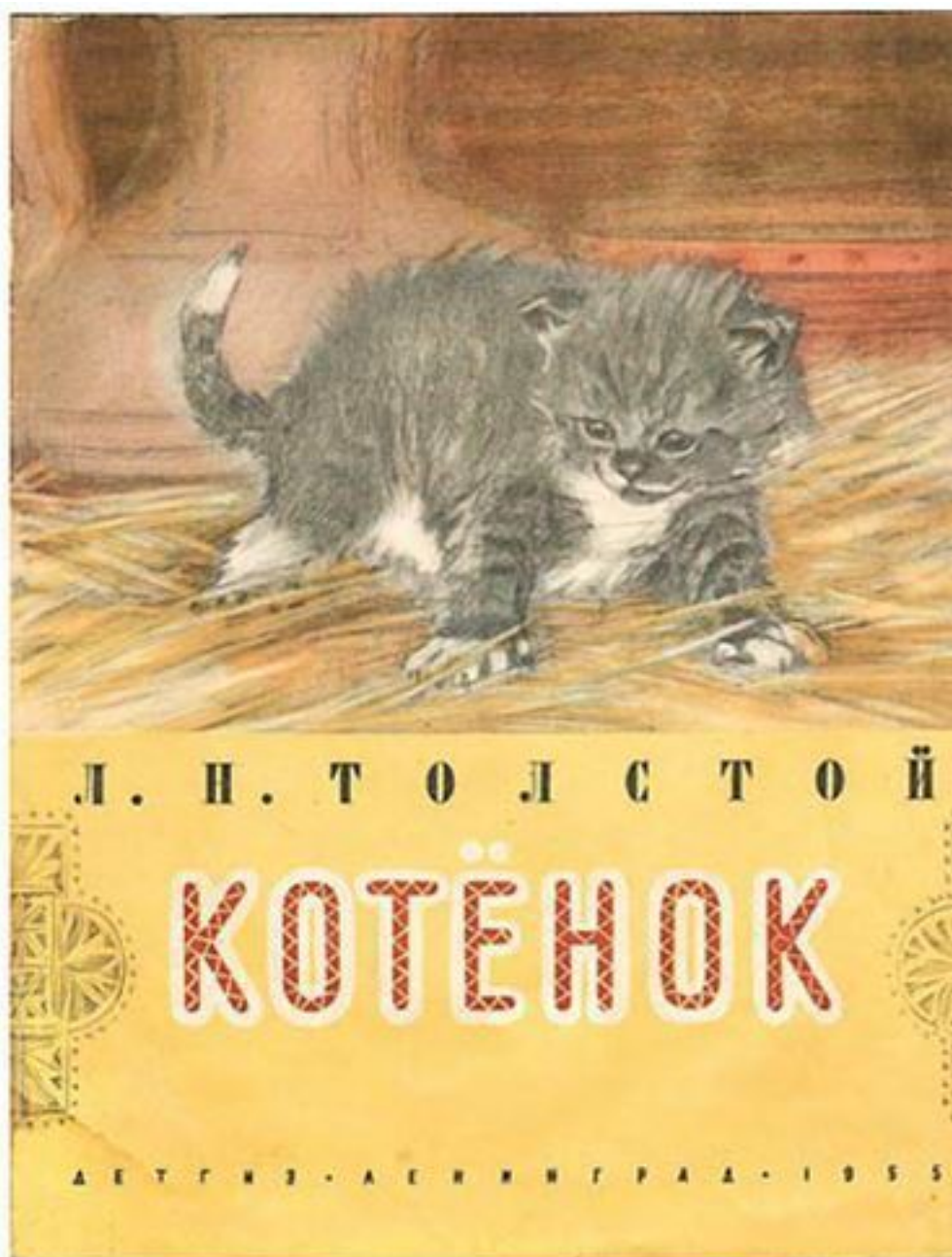
почувствовать ощущение мальчиком всей меры своей вины: ведь из-за него погибла корова. «Миша... не слезал с печи, когда ели студень из коровьей головы»; как много скажет одно движение, одна фраза матери, когда после долгой нужды в семье снова появляется корова. Мать «села под корову, обтёрла вымя. Господи благослови! Стала доить корову, а дети сели кругом и смотрели...» («Корова»). Более старшим Толстой предлагает рассказы с острым драматическим и психологическим сюжетом («Прыжок», «Акула»).

Всю книгу Толстой разделил на четыре части: его читатели проходят как бы четыре ступени развития, каждая последующая книга содержит материал гораздо более сложный и по сюжету, и по языку, и по объёму, и в жанровом отношении. Жанровое разнообразие «Книг для чтения» чрезвычайно широко: басни, сказки, рассказы, истории, рассуждения, описания, сказки-стихи. Такое богатство форм родилось от потребности ввести в круг детского чтения обширный материал из жизни детей и взрослых, из мира природы и знаний, познакомить ребёнка с литературой других народов.

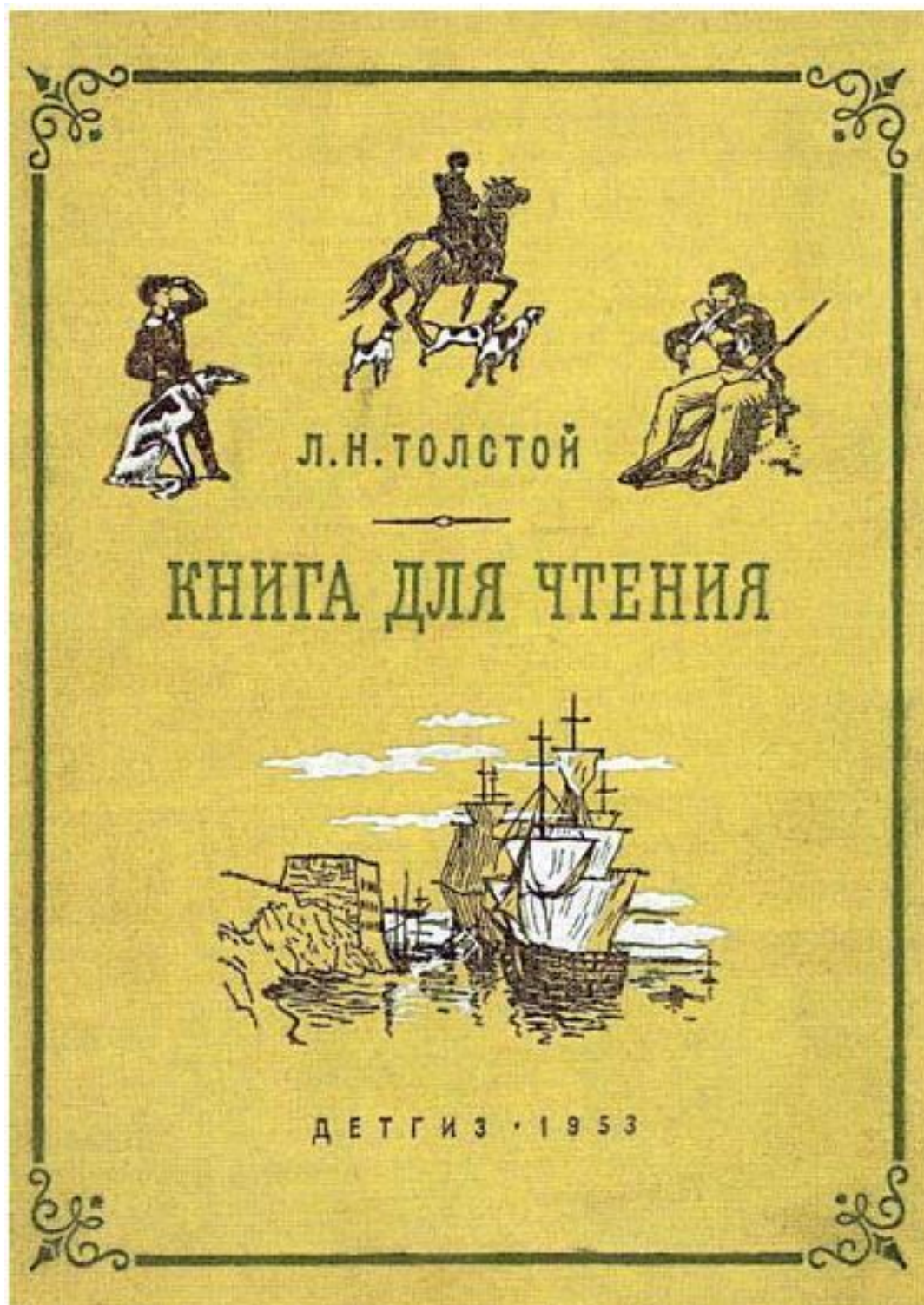
Толстой часто обращался к басням Эзопа, он любил его и видел в его баснях выражение веры в «вечно действующий и бодрствующий закон» морального правосудия. Передавая энергию и внутренний динамизм басен, Толстой почти всегда выпускал заканчивающие их поучения. И не потому, что Толстой был противником морального поучения. Он был уверен, что дети «любят мораль, но только умную, а не глупую». Просто Толстой считал, что поучительнее тот вывод, к которому ребёнок придёт самостоятельно.

Толстого привлекала бытовая и сатирическая сказка, она давала возможность полнее раскрыть народную жизнь, особенно народный характер. Некоторые сказки создавал он сам, используя народные предания («Волга и Вазуза», «Шат и Дон»), и придавал им явно поучительный характер: «Шат Иванович не послушался отца, сбился с пути и пропал. А Дон Иванович слушал отца... Зато он прошёл всю Россию и стал славен». Рассказы и были открывали повседневную, будничную и трудовую жизнь деревни, обстановку дома, деревенской школы. Но в повседневную жизнь врываются события необычайные, запоминающиеся, волнующие. Старший брат, пожалев младшего, уходит вместо него в солдаты («Рассказ мужика о том, за что он старшего брата своего любит»). Былью оказывается случай, когда мужик сумел решить задачу, с которой не могли справиться разные учёные люди («Как мужик убрал камень»). И ещё более необыкновенной былью оборачивается история встречи и свободного, весёлого, умного общения мужика с царём («Пётр I и мужик»). Былью оказывается и редкое по спокойствию, находчивости и мужеству поведение детей в минуту отчаянной опасности («Пожар», «Девочка и грибы», «Котёнок»).

В «Книгах для чтения» отсутствуют стихи. Но каждая часть заканчивается былинной подзаголовком «стихи-сказка». Самое интересное здесь – обработка Толстого. Он бережно сохраняет во всех случаях народно-поэтическое начало и лишь заменяет одни народные формы другими. Фольклорная форма органично сохраняется. В то время, когда Толстой создавал свои книги, не существовало ещё инерции отбора былинных сюжетов для широкого читателя. Любимыми героями для Толстого оказываются Микула Селянинович, олицетворяющий любовь к земле, и Сухман: былина о нём связана с драматическим остросоциальным конфликтом.

Свыше шестисот названий содержат «Книги для чтения», но Толстой задумывал продолжение «Азбуки», мечтал расширить её исторический и былинный разделы, разработать новые научные статьи и дать статьи по новой истории. Уже намечались названия: «Фигнер», «Мазепа», «Ермак», «Пугачёв», уже подбирался новый раздел – из русской художественной литературы (А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, Ф. М. Достоевский).

Приступая к работе над «Азбукой», Толстой писал в 1872 году:

«Гордые мечты мои об этой азбуке вот какие: по этой азбуке только будут учиться два поколения всех детей – от царских до мужицких – и первые впечатления поэтические получают из неё»¹⁷

---

¹⁷ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. Т. 61. С. 269.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.